

левой, но у него былъ смущенный видъ, не ускользнувшій отъ зоркихъ глазъ Лашмера.

— Боюсь, что мы пріѣхали не въ-время, — сказалъ онъ: — у васъ, быть можетъ, какая-нибудь особенно трудная работа на рукахъ.

— Нѣтъ, не то, милордъ, — отвѣчалъ управляющій серьезно: — такого рода вещи насъ никогда не затрудняютъ. Но теперь не совсѣмъ удобный моментъ для визита милэди. Мы наканунѣ забастовки рабочихъ.

Лэди Кэрмино засмѣялась весело и музыкально, точно ей сказали какую-то весьма забавную шутку.

— Ахъ, какая это старая исторія! — произнесла она. — Я всю жизнь это слышала. Мой отецъ говорилъ это почти каждый разъ, какъ возвращался съ завода. Рабочіе вѣчно замышляютъ худое. Забастовка вѣчно готовится, но никогда не осуществляется.

— Мистеръ Денбрукъ имѣлъ необыкновенное вліяніе на рабочихъ; у него былъ даръ ими управлять. Онъ устранялъ опасность забастовки частью личнымъ вліяніемъ, частью уступками; но вы, милэди, отказались...

— Сдѣлать уступки, которыя считаю излишними, которыхъ мой отецъ никогда бы не сдѣлалъ.

— Вашъ отецъ слѣдовалъ за духомъ времени, лэди Кэрмино. Онъ былъ слишкомъ разсудительный человѣкъ, чтобы плыть противъ теченія.

— Если мы не будемъ противостоять теченію, то оно всѣхъ насъ снесетъ, — отвѣчала лэди Кэрмино съ видомъ Беллоны.

Лашмеръ не ожидалъ, что въ ней найдется столько твердости... или упрямства — онъ не зналъ, какъ это назвать.

— Рабочіе крѣпились до сихъ поръ, хотя заработная плата у нихъ ниже, чѣмъ на другихъ заводахъ Брумма. Они крѣпились, благодаря превосходнымъ учрежденіямъ, основаннымъ вашимъ отцомъ и обеспечивающимъ рабочихъ въ старости и болѣзни. Но имъ обидно, что заработная плата ихъ ниже, чѣмъ у другихъ рабочихъ.

— Я не согласна измѣнить плату.

Управляющій покорно поклонился.

— Ваша воля, милэди, но увѣряю васъ, что мы рискуемъ остаться безъ рабочихъ.

— Если они забастуютъ, мы найдемъ другихъ.

— Въ Англіи — ни единого человѣка.

— Ну, такъ въ Бельгіи.

Управляющій пожалъ плечами.